

ДЕСЯТИЛЕТНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА АСЕАН-КИТАЙ И ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: К ИТОГАМ ФОРУМА ВЫСОКОГО УРОВНЯ

Актуальный комментарий

2 августа 2013 г. в Таиланде состоялся «Форум высокого уровня», посвященный десятилетней годовщине установления отношений стратегического партнерства между Китаем и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В числе наиболее важных вопросов, обсуждаемых на Форуме, была выработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации поведения сторон, подписанной Китаем и странами АСЕАН в 2002 г.

Перед тем, как перейти непосредственно к оценке итогов Форума, вкратце напомним суть противоречий ко времени его проведения. Эти противоречия проявляют себя на трех уровнях.

Нижний уровень представляет собой противоречия между отдельными странами по вопросу о суверенитете над островами и рифами. Из всех архипелагов Южно-Китайского моря лишь два – Парасельский и Спратли – являются причиной межгосударственных споров. Первый, фактически находящийся под контролем КНР, продолжают оспаривать Вьетнам и Тайвань. Что же касается архипелага Спратли, то на все его острова и рифы претендуют Китай, Тайвань и Вьетнам, а на некоторые – еще и Малайзия, Филиппины и Бруней.

Средний уровень относится к отношениям между Китаем и АСЕАН. Практика убедительно опровергла ожидания, что наращивание экономического сотрудничества между Китаем и Ассоциацией благотворно скажется на состоянии проблем, связанных с Южно-Китайским морем. Ведь противоречия серьезно обострились в 2010 г. – после того, как начала функционировать зона свободной торговли Китай-АСЕАН, когда торговые, инвестиционные, технологические и иные обмены между ними существенно возросли.

Наконец, **высший** уровень представляет собой американо-китайские противоречия. Суть их относится к допустимости осуществления США деятельности военного характера в акватории, которую Китай считает своим территориальным морем (в соответствии с Законом о территориальном море и прилегающей зоне, принятом в 1992 г.). В результате элементы соперничества в китайско-американских отношениях заметно усилились. Их квинтэссенцией стало столкновение двух концепций. С одной стороны – это китайская концепция «активной оффшорной обороны» (иначе называемая «ограничение доступа/сковывание сил противника на территории» – *Anti-Access/Area Denial*). Суть ее – не дать противнику зайти на определенную территорию, а, если он все же туда зашел, не дать ему там развернуться. С другой – американская концепция «войны на море и в воздухе» (*Air-Sea Battle*). Ее ключевой компонент – интеграция возможностей США на море, в воздухе, в космосе и в киберпространстве, для того чтобы гарантировать себе свободу ведения военных действий в любом районе мира, поддерживая собственное превосходство

Таковы три уровня противоречий, связанных с Южно-Китайским морем. Основной попыткой их урегулирования можно считать усилия Китая и стран АСЕАН выработать

Кодекс поведения сторон. АСЕАН стала рассматривать такую возможность еще в первой половине 1990-х гг., серьезные же консультации между Ассоциацией и Китаем стали проводиться в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Однако сразу же стало очевидно: стороны не могут согласовать положения будущего Кодекса. Это, в свою очередь, могло не лучшим образом сказаться на приоритетах экономического сотрудничества – ведь именно тогда шла подготовка к подписанию соглашения о формировании Зоны свободной торговли Китай -АСЕАН. В таких условиях участники переговоров пришли к следующему компромиссу: если сейчас не удастся урегулировать все противоречия и выработать полноценный Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море, не лучше ли ограничиться подписанием некоего «промежуточного» соглашения? С одной стороны, этот документ оговаривал бы «правила поведения» участников спора, а с другой – служил бы промежуточной ступенью на пути к Кодексу поведения.

В конечном итоге, идея была принята, в ноябре 2002 г. Китай и десять стран АСЕАН подписали Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море. Ее основными положениями можно считать следующие.

В статье 4 указано, что конкретные противоречия должны решаться исключительно между суверенными государствами, непосредственно вовлеченными в конфликт. Далее, статья 5 оговаривает, что совместные мероприятия сотрудничества должны осуществляться не на обязательной, а на добровольной основе. Наконец, статья 10 гласит: внесение в Декларацию корректив может осуществляться лишь на основе консенсуса.

Все это отвечает интересам Китая в значительно большей степени, чем АСЕАН, поскольку означает:

- ❖ невозможность интернационализации проблемы путем подключения к ее урегулированию США или ООН;
- ❖ вывод Тайваня за рамки урегулирования проблемы;
- ❖ фактическое признание того, что конкретные разногласия будут решаться не в многостороннем, а в двустороннем формате, а сотрудничество осуществляться на добровольной основе;
- ❖ возможность пролонгировать выработку Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации 2002 г. на сколь угодно долгое время.

Иными словами, подписав Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море, страны АСЕАН фактически согласились на китайские условия урегулирования проблемы. Вместе с тем, на фоне активизации американской политики после «возвращения» США в Азию, Ассоциация поставила вопрос о замене Декларации 2002 г. на Кодекс поведения. Однако максимум, чего она смогла добиться от Китая, – это подписание летом 2011 г. Руководящих принципов по внедрению в практику положений Декларации 2002 г. В целом же, Ассоциация не скрывала намерений двигаться к подписанию полноценного Кодекса, в то время как Китай продолжал делать акцент на соблюдении положений Декларации 2002 и Руководящих принципов 2011 г.

Все это разворачивалось на фоне обострения противоречий как между различными участниками собственно территориального спора, так и между Китаем и США. Один из ключевых вопросов – допустима ли интернационализация проблемы.

С таким багажом стороны подошли к проведению вышеупомянутого Форума высокого уровня 2 августа 2013 г. Тем примечательнее его основные итоги.

Китайская сторона предложила три варианта решения проблемы. Ими стали: переговоры и консультации между странами, непосредственно вовлеченными в конфликт, внедрение в практику положений Декларации 2002 г. при постепенном

согласовании положений Кодекса поведения, а также совместное освоение ресурсов. Последнее должно служить сигналом «внешним силам» о том, что Китай и страны АСЕАН самостоятельно справляются с возникающими спорными ситуациями. Все это повторяет положения Декларации 2002 г. и свидетельствует, что в реальности выработка Кодекса поведения не отвечает интересам Китая.

Одновременно Пекин направил Вашингтону жалобу в ответ на принятие американским Сенатом резолюции, где выражалась обеспокоенность действиями Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Посыл был однозначным: не вмешивайтесь не в свое дело.

Таиланд – страна-хозяйка Форума – занял неожиданно осторожную позицию. Министр иностранных дел Таиланда заявил, что проблема Южно-Китайского моря не должна служить барометром отношений между АСЕАН и Китаем. Такая примирительная тональность свидетельствует: форсировать принятие Кодекса поведения АСЕАН не намерена.

Таким образом, проблема Южно-Китайского моря ближе к разрешению не стала. Вряд ли прогресс будет достигнут и на переговорах, запланированных на сентябрь этого года.

Очевидный тупик, в котором оказались переговоры по данной проблеме, может усилить позиции России в этом регионе. Так, напряженность вокруг деятельности ряда крупных нефтяных корпораций в Южно-Китайском море повышает привлекательность импорта энергоресурсов из России. Невозможность проведения полноценной промышленной деятельности в спорных зонах позволяет России активнее продвигать свою концепцию продовольственной безопасности, представленную на Владивостокском саммите АТЭС 2012 г. Наконец, нарастание китайско-американских противоречий относительно свободы судоходства через Южно-Китайское море повышает заинтересованность наших партнеров в транспортных коммуникациях через российскую территорию – например, в использовании Транссибирской магистрали.

Россия могла бы быстрее и активнее усиливать свои конкурентные преимущества в отношениях с тихоокеанскими партнерами. Этому могли бы способствовать меры, призванные убедить страны Тихоокеанской Азии в том, что российская политика нацелена на укрепление мира и безопасности в регионе, для чего стоило бы предпринять конкретные практические шаги, отвечающие их ожиданиям и приоритетам.

6 августа 2013 г.